

Н. Н. ГНАТОВСКИЙ

заместитель директора Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА¹

Изучение истории законов и обычаев войны позволяет утверждать, что их формирование происходило непосредственно во время боевых действий под влиянием представлений государств о нормах поведения, приличествовавших цивилизованным нациям². Появление же универсального конвенционного регулирования норм права войны связано с целенаправленной и последовательной деятельностью Международного Комитета Красного Креста (МККК)³. Первым ее весомым результатом стало принятие в 1864 году в Женеве Конвенции об облегчении участи раненых и больных во время сухопутной войны. С того времени на универсальном уровне, прежде всего, благодаря усилиям МККК, принято настолько значительное количество конвенций, закрепляющих нормы международного гуманитарного права, что эту отрасль можно без преувеличения назвать одной из самых обеспеченных договорным международным правом. Акцентирование внимания на существующих обычных нормах международного гуманитарного права началось лишь в 1990-е гг. на волне общего пробуждения заинтересованности к международному обычаю как главному, наряду с международным договором, источнику международного права. Не удивительно, что его инициатором стал все тот же МККК.

«Исследование обычного международного гуманитарного права»⁴ (далее – «Исследование»), проведенное по инициативе МККК большой группой ведущих экспертов⁵ в сфере международного гуманитарного права (далее – «МГП»),

¹ Ранняя версия этой статьи была опубликована на украинском языке в журнале «Український часопис міжнародного права» № 2/2006 (Гнатівський М.М. Нове народження звичаєвого міжнародного гуманітарного права / М.М.Гнатівський // Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 17–22).

² Neff S.C. War and the Law of Nations : A General History / Stephen C. Neff. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — P. 23 et seq.

³ Название, данное при основании в 1863 году — «Международный комитет помощи раненым». Современное название «Международный Комитет Красного Креста» был принят в 1876 г.

⁴ Customary International Humanitarian Law / International Committee of the Red Cross; Edited by Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck. Volume 1: Rules. Volume 2 (in 2 books): Practice. — Cambridge University Press, 2005. Русский перевод 1-го тома: Обычное международное гуманитарное право. Том 1. Нормы // Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек при участии Каролин Алверман, Кнута Дёрмана и Батиста Ролла / перевод с английского. — МККК, 2006 (далее — «Обычное международное гуманитарное право»).

⁵ Полный список членов национальных и международных исследовательских групп, руководящего комитета, групп правительственных и академических экспертов, а также исследовательской группы

стало большим событием для кодификации и прогрессивного развития норм международного права, которые применяются во время вооруженного конфликта. Тем не менее, на этом его роль и значение для теории и практики международного права не исчерпываются. Как представляется, можно определить по меньшей мере три аспекта исследования, которые должны стать предметом подробного внимания со стороны юристов-международников, но до сих пор не нашли достаточного освещения в отечественной специализированной литературе.

Первым из таких аспектов является роль «Исследования» в повышении эффективности международно-правового регулирования ведения военных действий. Конечно, никакие новые нормы МГП в результате этой работы, которая должна рассматриваться как часть международно-правовой доктрины, не возникли – это было бы невозможно с любой точки зрения. Но не вызывает сомнения, что государства и другие адресаты норм международного гуманитарного права получили достаточно краткое по объему и конкретное по содержанию собрание его минимальных стандартов и основных положений. В самом деле, можно спорить о том, насколько те или другие изложенные в «Исследовании» нормы отображают настоящее содержание общего обычного международного права, но такая дискуссия, вероятнее, будет касаться в большей степени деталей, нежели всего корпуса норм. Так же можно спорить, правильно ли определена в исследовании предметная сфера применения обычных норм, прежде всего – в вооруженных конфликтах немеждународного характера. В конце концов, подобно Государственному департаменту и Министерству обороны США, можно ставить под сомнение единообразие и беспристрастность применения избранной в «Исследовании» методологии и даже его результаты¹ – хотя такой подход едва ли имеет широкую поддержку. Тем не менее, даже в последнем упомянутом документе разделяется «точка зрения МККК, что знание норм обычного международного права является важным для всех сторон, связанных с вооруженным конфликтом, в том числе для правительств, тех, кто носит оружие, международных организаций, а также МККК»².

Второй аспект, на который целесообразно обратить внимание, состоит в напоминании государствам о необходимости определить свое отношение к общему обычному международному праву и, непосредственно, к обычному международному гуманитарному праву. Особенно остро эта проблема встала перед Украиной и другими постсоветскими государствами, в которых национальные правовые системы не определились со своим соотношением к обычным нормам международного права.

Третий аспект, который не может оставить равнодушным каждого, кто когда-нибудь интересовался международным правом, состоит в значении

МККК см.: Обычное международное гуманитарное право. – С. XXVIII-XXXIII.

¹ U.S. Initial Reactions to ICRC Study on Customary International Law // A Letter to Dr. Jakob Kellenberger, President, International Committee of the Red Cross, dated November 3, 2006, from John Bellinger, III, Legal Adviser, Department of State, and William Haynes II, General Counsel, Department of Defense. – <<http://www.state.gov/s/l/rls/82630.htm>>.

² Ibid.

«Исследование» для науки международного права. До публикации «Исследования» в центре научной дискуссии были преимущественно теоретические выкладки относительно методологии определения содержания общего обычного международного права. Одним из ярчайших примеров в этом жанре есть «Лондонские принципы, которые касаются формирования общего обычного международного права», одобренные Ассоциацией международного права в 2000 году¹ (в дальнейшем – «Лондонские принципы»). «Исследование» МККК дает бесценный пример использования произведенной на основе теоретической дискуссии методологии на практике, и вдобавок к материалу, практическая актуальность которого не может относиться под сомнение, учитывая количество и интенсивность вооруженных конфликтов, которые делятся в разных регионах мира. Даже критические отклики государств на результаты работы экспертов, привлеченных МККК, дадут возможность сделать важные выводы относительно уместности и практической эффективности подходов к определению содержания норм общего обычного международного права. В конце концов, они должны дать толчок продолжению исследования темы формирования норм общего обычного международного права на новом этапе.

В рамках третьего аспекта уместно было бы рассмотреть целесообразность и необходимость учесть результаты «Исследования» в учебном процессе по международному гуманитарному праву во всем возможном спектре аудитории: студенты (юристы-международники, военные юристы, другие правоведческие специальности), военнослужащие, журналисты, судьи, персонал гуманитарных организаций и т. п.

Конечно, на этом далеко не исчерпываются проблемы, поставленные «Исследованием». Только лишь анализ каждой отдельно взятой нормы допускает дискуссию относительно точности и полноты ее формулирования, наличия достаточной практики государств и *opinio juris* и т. д. Одним из первых примеров такой дискуссии можно найти, например, во второй части процитированного выше письма юридических советников Государственного департамента и Министерства обороны США д-ру Я. Келленбергеру, а также в специальной литературе, последовавшей за публикацией «Исследования»².

В настоящей статье мы остановимся на трех основных упомянутых аспектах исследования.

1. Договорное и обычно-правовое регулирование ведения вооруженных конфликтов

Вопрос о соотношении международных договоров и обычаев как источников МГП ставился еще до 1995 г., т. е. до официального начала исследования МККК. Казалось бы, зачем вообще вести речь о таком «ненадежном» и

¹ Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law // Final Report of the Committee on Formation of Customary (General) International Law. Adopted by Resolution No 16/2000 of the 69th Conference of the International Law Association, held in London, United Kingdom, 25 – 29 July 2000. – 66 p. – <<http://www.ila-hq.org/pdf/CustomaryLaw.pdf>>.

² В первую очередь, речь идет о сборнике: Perspectives on the ICRC Study on Customary International Humanitarian Law / Edited by Elizabeth Wilmshurst and Susan Breaux. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 498 p.

«размытом» источнике международного гуманитарного права, как обычай, когда существуют, например, четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, которые всегда служили примером почти универсального принятия международного договора. Более того, слово «почти» в предыдущем предложении вообще стало лишним летом 2006 года, когда последние два государства, которые не были участниками Женевских конвенций (27 июня 2006 года – Республика Науру, а 2 августа 2006 года – Республика Черногория), присоединились к ним¹.

Впрочем, выяснение обычно-правовой природы норм МГП, как закрепленных непосредственно в Женевских конвенциях или других универсальных международных договорах, так и остальных, представляет далеко не только доктринальный интерес. Обращался к нему и Международный Суд ООН, и отдельные ученые, в числе которых выделяется работа одного из будущих членов авторского коллектива «Исследования» и будущего председателя апелляционной палаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии американского профессора Теодора Мерона «Женевские конвенции как обычное право», опубликованная в «Американском журнале международного права» еще в 1987 г.² Обобщая приведенные аргументы, можно указать несколько причин такого интереса.

Во-первых, при решении конкретного дела в Международном Суде ООН может возникнуть необходимость установить, отвечают ли определенные нормы многосторонних международных договоров общему обычному международному праву. Например, такая необходимость возникла во время рассмотрения дела о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа³. В этом деле Суд вынужден был принять во внимание оговорки США к их заявлению о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН согласно пункту 2 статьи 36 его Статута. Согласно оговорке из сферы действия этого заявления были исключены «споры, возникающие по многостороннему договору, если 1) не все участники настоящего договора, интересы которых затрагиваются этим решением, также являются сторонами в деле, находящимся на рассмотрении в Суде, или если 2) Соединенные Штаты Америки не дают специального согласия на Юрисдикцию Суда». В этом контексте положения Женевских конвенций могли быть применены Судом только тогда, когда они отображали также содержание общего обычного международного права.

¹ Весьма широко приняты и Дополнительные протоколы I и II 1977 года к Женевским конвенциям 1949 г. По состоянию на 1 января 2009 года Дополнительный протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, ратифицировали 168 государств, а Дополнительный протокол II, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, – 164 государства. В то же время, весьма сильна критика протоколов со стороны государств, отказывающихся присоединиться к ним, в частности – США и Израиля. См., например: Dinstein Y. *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict* / Yoram Dinstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 11 et seq.

² Meron T. *The Geneva Conventions as Customary Law* / Theodor Meron // *The American Journal of International Law*. Vol. 81, No.2 (April 1987). – P. 348-370.

³ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports, p. 14.

Во-вторых, существуют государства, конституционное право которых для введения положений международного договора в национальную правовую систему предусматривает принятие специального имплементационного законодательства. Такое для Женевских конвенций может и не быть принятым, несмотря на то, что соответствующие государства являются сторонами конвенций, тогда как обычное (общее, общепризнанное) международное право рассматривается как часть национальной правовой системы *per se*.

В-третьих, согласно декларации Мартенса – одной из основоположных норм законов и обычаев войны, в случаях, не предусмотренных международными договорами, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, вытекающих из сложившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания¹.

В-четвертых, в силу статьи 43 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., а также общей статьи 63/62/142/158 Женевских конвенций выход государства из международного договора (в частности путем денонсации) не затрагивает его обязанности выполнять любое закрепленное в договоре обязательство, имеющее для него силу согласно международному праву независимо от договора, в частности на основании общего обычного международного права².

В-пятых, в отличие от международных договоров к уже сформированным действующим нормам общего обычного международного права невозможно делать оговорки. В случае если государство не соглашается с формирующейся общей нормой, оно должно заявить протест и занимать по соответствующему вопросу достаточно последовательную позицию (*persistent objection*).

В-шестых, преобразование отдельных положений международных договоров по МГП в нормы *jus cogens*, как это предусмотрено статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров, возможно на практике лишь путем их преобразования в нормы общего обычного международного права через принятие международным сообществом государств в целом.

В-седьмых, средства толкования обычных норм международного права могут весьма существенно отличаться от предусмотренных для международных договоров в статьях 31-33 Венской конвенции.

В-восьмых, принадлежность значительного (возможно, даже преобладающего) количества норм МГП одновременно к общему обычному и универсальному договорному праву может использоваться как аргумент в пользу их естественно-правового происхождения (в частности как отображение нормального поведения, присущего в кризисных ситуациях человеку в силу его природы).

¹ См., например, пункт 2 статьи 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.

² Общая статья 63/62/142/158 Женевских конвенций 1949 года в пункте 4 предусматривает: «Денонсация будет иметь силу лишь в отношении денонсирующей державы. Она никак не будет влиять на обязательства, которые стороны, находящиеся в конфликте, будут обязаны продолжать выполнять в силу принципов международного права, поскольку они вытекают из обычаев, установившихся среди цивилизованных народов, из законов человечности и велений общественной совести». По сути, в этом положении также отражена основная идея декларации Мартенса.

Отдельным и очень существенным аспектом установления содержания норм обычного МГП является его значение для создания и функционирования органов международной уголовной юстиции. Наверное, наиболее проблемным вопросом всех международных уголовных (военных) трибуналов *ad hoc* было соответствие их учреждения и функционирования принципу легальности как основополагающему в уголовном праве (в том числе и международном) – *nullum crimen, nulla poena sine lege* и запрета обратного во времени действия уголовного закона¹. Поскольку до учреждения постоянного Международного уголовного суда органы международного уголовного правосудия возникали исключительно после того или иного вооруженного конфликта, всегда ставился вопрос о возможности суда за нарушение норм, установленных в уставе соответствующего трибунала после того, как нарушения состоялись². Возможным решением этой проблемы является положение в уставах и решениях трибуналов о том, что речь идет о нарушении норм обычного МГП, которыми являются, например, положения статьи 3 общей для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.³ «Исследование», в свою очередь, прибавляет уверенности в содержании обычного МГП и может с этой целью использоваться международными уголовными судами и трибуналами.

Итак, если позаимствовать терминологию права европейской интеграции, в деле правового регулирования ведения войны появляется «вторая опора», или, иначе говоря, альтернативное направление юридической аргументации, юридической техники и развития правоприменительных инструментов. Конечно, если та или другая норма объективно обязательна, теоретически нет нужды доказывать ее двойную юридическую природу. Тем не менее, на практике такая необходимость возникает, в частности, когда идет речь о стороне вооруженного конфликта, не являющейся участником соответ-

¹ См., например: Kittichaisaree K. *International Criminal Law* / Kriangsak Kittichaisaree. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — P. 43; Cassese A. *International Criminal Law* / Antonio Cassese — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 139-158.

² Не утихают подобные разговоры, пусть и не в среде специалистов по международному праву, и поныне. Достаточно характерным является высказывание российского правозащитника С.А. Ковалёва: «Вспомним Нюрнбергский процесс. С точки зрения права это чистое безобразие, это ведь суд победителей над побежденными, причем там даже не было попыток это скрыть. Какое тут равенство сторон? Это суд, который судил по специально для него написанным законам. Был сознательно нарушен фундаментальнейший, самый важный принцип права: закон не имеет обратной силы. Решили, что имеет. И вздернули людей, многие из которых поступали строго в соответствии с законами своей страны, действовавшими тогда. Ужасными законами, варварскими, но законами. Тем не менее, найдите юриста, который сказал бы, что Нюрнбергский процесс — событие печальное, о нем следует сожалеть и признать, что он отодвинул нас назад. Ни один самый строгий юрист, понимающий все юридические недостатки Нюрнберга, не выступит таким образом» (Цуканова Л. Сергей Ковалев: «Мир не стал бы протестовать, если бы мировой порядок поддерживали инопланетяне» / Л. Цуканова // Новое время, № 18-19, 2003. — С. 12-17).

³ Например, в решениях Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии по делам Тадича (Tadic, Appeals Chamber, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, October 2, 1995, para. 98: «Некоторые договорные нормы постепенно стали частью обычного права. Это, в частности, касается общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года ...»), Кунараца, Ковача и Воковича (Kunarac, Kovac and Vokovic, Appeals Chamber, June 12, 2002, para. 68), Блашкича (Blaskic, Trial Chamber, March 3, 2000, para. 166), Налетилича та Мартиновича (Naletic and Martinovic, Trial Chamber, March 31, 2003, para. 228). См.: Genocide, War Crimes and Crimes Against Humanity: Topical Digests of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — Human Rights Watch, 2004. — P. 140. См. также статью 5 Устава Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии.

ствующих международных договоров и вообще не имеющей определенного международно-правового статуса. Благодаря «Исследованию» в руках адептов МГП, в частности МККК, появляется новый весомый аргумент в дискуссии с «негосударственными акторами». В конце концов, «Исследование» важно и для соблюдения МГП государствами, принимающими участие в вооруженных конфликтах немеждународного характера, ведь содержание применимых к ним обычных норм шире не только общей статьи 3 четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., но и положений Дополнительного протокола II к этим конвенциям от 8 июня 1977 г.

2. Практика государств относительно общего обычного международного права

Поскольку МГП является составной частью международного публично-права, «Исследование» ставит перед государствами не только конкретную задачу определенным образом реагировать на его появление, но и напоминает о более общей проблеме – определить свое отношение к общему обычному международному праву и его соотношение с национальными правовыми системами. Поскольку эта проблема очень широка, остановимся лишь на отдельных моментах, характерных для Украины и некоторых других постсоветских государств.

Представляется, что в целом на постсоветском пространстве сформировалось довольно специфическое, «механистическое» отношение к проблеме национально-правовой имплементации норм международного права, в том числе МГП. Национальный законодатель обращает основное внимание на нормы международных договоров, к которым применяется общая схема: 1) решение вопроса о том, к каким международным договорам в сфере МГП имеет смысл присоединяться; 2) акт присоединения к соответствующей конвенции и принятие необходимого законодательства, приведение национальных законов законодательства (военного, уголовного и т. п.) в соответствие с конвенциями, которые преимущественно делаются благодаря деятельности национальных комиссий по имплементации МГП, что формируются под эгидой министерства юстиции или другого ведомства, ответственного за правовую политику государства;

3) дальнейший мониторинг выполнения договорных обязательств (очевидно, довольно формальный).

Остается непонятным, как в эту схему вписать обязательства государств, проистекающие из общего обычного международного права. В законодательстве Украины и других постсоветских государств такого механизма нет. Ситуация усложняется еще и отсутствием в Конституции Украины 1996 г. ответа на вопрос об отношении национальной правовой системы к обычному международному праву. Единственное упоминание об этом явлении обнаруживается в статье 18 Конституции Украины, согласно которой *«внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»*¹. Тем не менее, конституционно провозглашенное намерение основывать «внешнеполитическую деятельность»

¹ Здесь и далее – выделено автором

на общепризнанных принципах и нормах международного права не тождественно ответу на вопрос о соотношении национальной правовой системы и обычных норм международного права, хотя бы и «общепризнанных». Для сравнения можно напомнить часть четвертую статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 г., согласно которой «*общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы*»¹.

Но каким бы ни было содержание национальных конституций, государства должны выполнять международные обязательства, в том числе вытекающие из общего международного права. В отличие от охарактеризованного выше процесса присоединения к международному договору и его имплементации на национальном уровне, в случае с общим обычным международным правом тяжело, а иногда даже невозможно проследить волевое решение государства быть связанным такими нормами. Это тем более имеет значение для государств, которые ранее не были субъектами международного права или чья международная правосубъектность была довольно условной (Украина как продолжатель Украинской ССР – члена Организации Объединенных Наций). Современная доктрина, в частности «Лондонские принципы» Ассоциации международного права², подтверждает мысль Г. Лаутерпахта, что новое государство не имеет возможности выбирать из существующих норм международного права те, которых она желает придерживаться, и которых – нет. Государство связано общепризнанными нормами международного права, даже если его согласие на них не может быть доказано в каждом конкретном случае. Достаточно, чтобы эта норма была общепризнанной и трудно было бы представить, что цивилизованное государство откажется от ее соблюдения³.

Механизм имплементации обычных норм международного гуманитарного права не должен сильно отличаться от мероприятий во исполнение договорных обязательств государств в этой сфере. Свою роль должно играть информирование общественности о содержании норм, связи со школами, университетами и другими учебными заведениями для военных, журналистов, медиков, а также семинары, конференции и подобные мероприятия. Содержание «Исследования» должно приниматься во внимание национальными комиссиями по имплементации международного гуманитарного права. В любом случае, благодаря «Исследованию» МККК напомнил государствам и другим членам международного сообщества о существовании обычных норм как важной составляющей МПП.

¹ Авторитетные и четкие комментарии этого положения Конституции Российской Федерации см., например, в работах И.И. Лукашук и О.И. Тиунова (напр., Лукашук И.И. Конституция России и международное право / И.И. Лукашук // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия* / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. — М., 2004. — С. 43-47; Тиунов О.И. Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права / О.И. Тиунов // *Международное право XXI века* / Под ред. В.Г. Буткевича. — К., 2006. — С. 141-157).

² См., в частности, принципы 14 и 18, а также комментарии к ним Комитета по формированию обычного международного права Ассоциации международного права (Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law... — P. 26-40).

³ Lauterpacht H. *International Law: Collected Papers* / Ed. by E. Lauterpacht. — Vol. 1. The General Works. — Cambridge University Press, 1978. — P. 56-57.

3. Значение «Исследования» для развития науки и преподавания международного права

В науке международного права тяжело отыскать настолько полное и, вместе с тем, авторитетное собрание общих обычных норм в определенной сфере, выполненное доктринальными методами, как «Исследование». Сравнить его можно разве что с работой Комиссии международного права ООН в тех сферах, где она не привела к принятию конвенции, например – Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные действия. Особенностью задачи, которой решала группа в составе Ж.-М. Хенкеркса, Л. Досвальд-Бек и других, была необходимость сконцентрироваться лишь на нормах общего обычного МГП и, в отличие от работы Комиссии международного права, не определять перспективы кодификации и прогрессивного развития соответствующей области.

Представляется, что всем юристам-международникам (как теоретикам, так и практикам) было бы чрезвычайно полезно детально изучить методологию группы при определении норм обычного общего международного права в отдельно взятой сфере. Ведь методология определения содержания норм общего обычного международного права остается предметом научной дискуссии, а потому опыт практического применения одного из ее вариантов имеет существенное значение¹. Следует обратить внимание на очевидную корреляцию методологии группы экспертов МККК и «Лондонских принципов» Ассоциации международного права, о которых упоминалось выше. В частности, это вопрос о юридическом значении государственной практики, которая противоречит содержанию формирующейся нормы; вопрос постоянного несогласия государства; вопрос репрезентативности практики и ее количественных показателей и ряд других.

С научным значением «Исследования» связана и его роль в усовершенствовании обучения международному гуманитарному праву. Пусть оно и не претендует на то, чтобы охватить всю отрасль, тем не менее, избранная система расположения материала заслуживает всяческого внимания с точки зрения структуры учебных пособий и учебников с МГП – от уровня высшей школы до «карманных» справочников для военных, журналистов, медицинского персонала, правозащитников и т. д. 161 норма, изложенная последовательно и логически, должна восприниматься значительно легче, чем многочисленные конвенции, содержание которых частично совпадает, частично отличается, частично содержит «мертвые» нормы.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что названными, сжато прокомментированными аспектами роль «Исследования обычного международного гуманитарного права», проведенного МККК, не исчерпывается. Собственно, и

¹ Подробнее о методологии «Исследования» см.: Henckaerts Jean-Marie. Study on customary International humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict / Jean-Marie Henckaerts // International Review of the Red Cross. — Volume 87. Number 857. March 2005. — P. 178-184.

«Исследование» нельзя считать окончательно завершённым – оно, вне всякого сомнения, будет обновляться, дополняться, комментироваться, поскольку практика государств и *opinio juris* формируются постоянно, как не исчезают навсегда из лица Земли вооружённые конфликты. Тем не менее, понятно, что усилиями МККК состоялось истинное возрождение обычного измерения МГП.